

Э. ИЛЬЕНКОВ И «ИЛЬЕНКОВСКАЯ ШКОЛА»: СТРАНИЦЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

УДК 7.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-8-17>

Е. В. Мареева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические обстоятельства и интеллектуальный контекст, в которых формировалась позиция Э. В. Ильенкова и ильенковская традиция в отечественной философии. Показано, как повлияла на марксистскую мысль середины XX века публикация «Экономическо-философских рукописей 1844 года» К. Маркса. Выявлены отличия философской позиции Ильенкова, связанные с его «гегельянством», от официального советского «диамата». Описаны разные школы советской философии и подходы к вопросу о сути материалистической диалектики в решении проблемы о тождестве мышления и бытия. Охарактеризовано ильенковское понимание диалектики абстрактного и конкретного применительно к методу «Капитала» и научно-теоретическому мышлению в целом. Более детально проанализированы различия между Э. В. Ильенковым и М. А. Лифшицем как выдающимися представителями позднесоветского «творческого марксизма» в решении проблемы идеального. Обосновывается связь лифшицианской трактовки идеального с созерцательным материализмом XVIII века. Охарактеризована критика «Загорского эксперимента» после смерти Ильенкова. Уточнены этапы становления «ильенковской школы» и современное состояние ильенковской традиции в России и за рубежом.

Ключевые слова: Эвальд Ильенков, марксизм XX века, советский «диамат», ильенковская школа, спор Ильенкова и Лифшица об идеальном, конкретный историзм как метод «Капитала», «Загорский эксперимент» и становление личности.

Для цитирования: Мареева Е. В. Э. Ильенков и «ильенковская школа»: страницы интеллектуальной истории // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №2 (118). С. 8–17. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-8-17>

E. ILYENKOV AND «ILYENKOV SCHOOL»: PAGES OF INTELLECTUAL HISTORY

Elena V. Mareeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: e.v.mareeva@yandex.ru

МАРЕЕВА ЕЛЕНА ВАЛЕНТИНОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии, Московский государственный институт культуры

MAREEVA ELENA VALENTINOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of History and Philosophy, Moscow State Institute of Culture

© Мареева Е. В., 2024

Abstract. The article considers the historical circumstances and intellectual context in which E.V. Ilyenkov's position and the Ilyenkov tradition in Russian philosophy were formed. It is shown how Marxist thought of the mid-twentieth century was influenced by the publication of K. Marx's "Economic-Philosophical Manuscripts of 1844". The differences of Ilyenkov's philosophical position related to his "Hegelianism" from the official Soviet "diamat" are highlighted. Different schools and approaches in Soviet philosophy to the question of the essence of materialist dialectics, the solution of the question of the identity of thinking and being are described. Ilyenkov's understanding of the dialectics of the abstract and the concrete in relation to the method of "Capital" and scientific-theoretical thinking in general is characterised. The differences between E.V. Ilyenkov and M.A. Lifshits as outstanding representatives of late Soviet "creative Marxism" in solving the problem of the ideal are analysed in more detail. The connection of Lifshitsian interpretation of the ideal with the contemplative materialism of the 18th century is substantiated. The criticism of the "Zagorsky experiment" after Ilyenkov's death is characterised. The stages of formation of the "Ilyenkov school" and the current state of the Ilyenkov tradition in Russia and abroad are specified.

Keywords: Ewald Ilyenkov, twentieth-century Marxism, Soviet "diamat", Ilyenkov school, Ilyenkov-Lifshits dispute about the ideal, concrete historicism as a method of "Capital", "Zagorsky experiment" and the formation of personality.

For citation: Mareeva E. V. E. Ilyenkov and «Ilyenkov school»: pages of intellectual history. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 2 (118), pp. 8–17. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-8-17>

В 2024 году мы отмечаем не только 300-летие великого И. Канта, но и 100-летний юбилей выдающегося отечественного философа Э. В. Ильенкова (1924–1979). Ильенков принадлежал к позднесоветской философии, его работы были впервые опубликованы в период «оттепели» и «застоя». Но творчество Ильенкова, безусловно, вписано в мировое философское наследие, и его юбилей отмечают по всему миру. Интересуются фигурой Ильенкова не только философы, в его наследии существенную роль играют психолого-педагогические работы, связанные с культурно-исторической методологией. Ученики Ильенкова уже в постсоветские времена объединились в так называемую «ильенковскую школу». Об исторических обстоятельствах и интеллектуальном контексте, в которых формировалась философия Ильенкова и ильенковская традиция в отечественной философии и пойдет речь далее.

Когда мы характеризуем итоги «оттепели» в СССР, то речь идет, прежде всего, о ярких авторских проявлениях в искусстве

и философии. Наряду с Эвальдом Ильенковым, среди философов называют имена Александра Зиновьева, Мераба Мамардашвили, Генриха Батищева, Георгия Щедровицкого, Владимира Библера. Перечисление этих имен показывает, что уже в 60–70 годы XX века в СССР формировались отличные от марксизма взгляды на философию – ее предмет и методологию. У каждого из упомянутых философов были последователи тогда и сейчас. Есть публикации, в которых выявляют принципиальные расхождения во взглядах этих философов, которые, будучи советскими философами, на деле не были марксистами.

Но что в эти годы происходило с самим марксизмом, в марксистской философии в частности? Картина здесь была непростая. После того, как на рубеже 20–30 годов XX века группу «механистов» разгромили «диалектики» (группа А. Деборина), а их, в свою очередь, разгромили «большевики» (М. Митин, П. Юдин и др., за которыми стоял Сталин), долгое время признавалась только одна ортодоксальная точка зрения, зафиксированная в 4-й главе «Краткого курса истории ВКП(б)». Но уже в 50-е годы, с началом «от-

тепели», обнаружилось, что за монолитом советского марксизма скрывается борьба идей, включая центральные пункты марксистской философии. Ее проявлением стало обсуждение на философском факультете МГУ тезисов о предмете марксистской философии, подготовленных Э. Ильенковым и его другом В. Коровиковым. Их партийное осуждение привело к изгнанию Ильенкова и Коровикова из университета. В 2016 году была издана книга «Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955)», в которой, благодаря работе в архивах дочери Ильенкова – Елены Эвальдовны Иллеш (при поддержке А. Майданского и С. Корсакова), можно ознакомиться с официальными материалами этой дискуссии [2]. Но даже те несколько лет, когда Ильенков преподавал на философском факультете МГУ, определили философскую позицию многих студентов, среди которых были такие известные впоследствии философы, как Владислав Лекторский, Вадим Межуев, Лев Науменко. Повлиял он на мировоззрение студентов и из стран «социалистического лагеря». Здесь во многом истоки дискуссий советских философов 60–70 годов, в которых «побеждала» догматическая, а позднее схоластическая, точка зрения. Но само участие в таких дискуссиях философа масштаба Ильенкова позволяло узнать об ином понимании философии марксизма.

Понятно, что философской школы не может быть без яркой личности, которая задает своеобразие проблематики и особенности методологии. Но все, о ком уже сказано, были москвичами. Тем не менее, глядя на 70-е годы XX века с позиций сегодняшнего дня, можно говорить о «киевской», «ленинградской» «свердловской» и других философских школах в СССР. Тональность там также задавали такие яркие личности, как академик Владимир Шинкарук в Киеве или ныне здравствующий академик Жабайхан Абдильдин в Алма-Ате.

Тем не менее, в разговоре об Ильенкове следует выделить те фигуры и региональные «школы», где в центре внимания находились проблемы марксистской диалектики. Так

«ленинградцы» толковали материалистическую диалектику «онтологически», т. е. видели в ней общую теорию развития, тогда как Ж. Абдильдин и его ученики, подобно Ильенкову, исходили из тождества диалектики, логики и теории познания марксизма. Особо нужно сказать о так называемой «ростовской» школе в советской философии. На философском факультете Ростовского государственного университета уже в 70-е годы преподавали друг Ильенкова Алексей Потемкин, его ученик Алексей Новохатько, последователь Ильенкова Алексей Щитов, которые воспитывали студентов в ильенковском духе. Я помню эту атмосферу и прошла эту школу на философском факультете Ростовского университета.

Представление о «философской школе» можно наполнить разным содержанием. Но Ильенков, конечно, был основателем философской школы в том фундаментальном смысле, когда речь идет об особом направлении в советской, а шире – марксистской философии. Понятно, что ученики в такой философской «школе» могут напрямую дружить и сотрудничать с ее основателем, как это было с Ильенковым, дом которого был всегда открыт для друзей и единомышленников. В его квартире, а жил он в центре Москвы рядом с улицей Горького (теперь Тверской), привычно собирались его друзья и ученики, засиживаясь допоздна. Это был особый культурный феномен советской «оттепели» и «застоя» – долгие интеллектуальные беседы «на кухне». Дом Ильенкова был открыт для тех, кто со своими идеями приезжал в Москву со всего Советского Союза.

После смерти Ильенкова в 1979 году его школа, как это обычно бывает, уже стала прирастать теми, кто изучал его наследие. В нее активно вливались ученики его учеников. Особую роль здесь сыграл сайт «Читая Ильенкова» Андрея Майданского. Ну и, конечно, нужно сказать о той роли, какую играли и играют международные Ильенковские чтения, которые проводило и проводит более 20 лет философское общество «Диалектика и культура». 20 лет назад в журнале «Вопросы философии»

я опубликовала статью «Существует ли «школа Ильенкова»?» [20]. Время ее выхода не случайно. С трагической кончины Ильенкова к тому времени прошло почти четверть века, и мемуаральные «Ильенковские чтения» стали наконец-то превращаться в трибуну обсуждения содержательных моментов в его учении, что сопровождалось дискуссиями с учениками другого советского марксиста – Михаила Лифшица.

Здесь уже нужно говорить не о способе существования «ильенковского движения» в советской и постсоветской философии, а о сути его позиции. Обычно указывают на принадлежность Ильенкова к так называемому «творческому марксизму», в отличие от официально принятой версии «диамата» и «истмата» в советской философии. А в качестве второго яркого представителя этого направления называют Михаила Александровича Лифшица. Особая тема – это разногласия между Ильенковым и Лифшицем по проблеме идеального и ее решению в марксизме.

Интересно, что расхождение в философских позициях Ильенкова и Лифшица обнаружили уже после смерти Ильенкова и Лифшица, когда ученики Лифшица после его смерти опубликовали в журнале «Вопросы философии» статью, посвященную проблеме идеального [12]. Это был фрагмент из рукописи Лифшица, которая еще через 20 лет в 2003 году была опубликована под названием «Диалог с Ильенковым». Причем уже в начале 2000-х полемика ильенковцев с учеником Лифшица Виктором Арслановым показала, что речь идет не о расхождении, а о противоположности их взглядов. Ильенков о Лифшице никогда в печати не высказывался. А из текстов Лифшица следовало, что его не устраивает объяснение Ильенковым феномена идеального из материально-преобразующего отношения человека к миру. Лифшиц не признавал, что деятельное общение людей и создаваемая таким предметным общением социокультурная реальность обладают собственными всеобщими формами и законами. Идеальное Лифшиц связывал со всеобщим в природе, а в человеческом

мире оно, согласно Лифшицу, является продолжением и воспроизведением идеальных природных форм. Итоги публичной полемики с Виктором Арслановым нашли отражение в моей статье «Проблема идеального: спор двух марксистов» в коллективной монографии «Э. В. Ильенков» из серии «Философии России второй половины XX века» [19].

Эта полемика стала одним из сюжетов еще одной моей статьи в журнале «Вопросы философии» – «О расколе среди ильенковцев» [18]. Хочу отметить, что в заочном споре с Ильенковым Лифшиц связывал его позицию не столько с гегельянством, сколько с неокантианской идеей автономии мира культуры. Свою трактовку идеального Лифшиц обосновывал собственной версией теории отражения – «онтогносеологией». Я уже пыталась показать в журнале «Studies in East European Thought» (SEET), что онтогносеология Лифшица – созерцательный вариант теории отражения, уходящий истоками к французскому материализму XVIII века, что, кстати, Лифшиц и не скрывал [21]. При этом Лифшиц считал свою онтогносеологию развитием теории отражения В. И. Ленина. Но был ли созерцательный момент в ленинской теории отражения? И как его оценивал «гегельянец» Ильенков?

Ильенков, скорее всего, ценил ту эволюцию в понимании диалектики, которую Ленин прошел от «Материализма и эмпириокритицизма» (1908) до «Философских тетрадей» (1914–1916). По сути это было движение от созерцательного материализма к диалектическому материализму в духе гегельянства, и критика Лениным Г. В. Плеханова в «Философских тетрадях» была самокритикой. Поэтому Ильенков часто, и, я думаю, искренне, цитирует «Философские тетради» Ленина. Что касается культа ленинской теории отражения, в которой в советские времена видели главное философское достижение Ленина, то в этом вопросе Ильенков, как понимаю, занимал нейтральную позицию, хотя иногда видно, как он предлагает ее «более диалектическое» толкование [7].

С историко-философской точки зрения появление «творческого марксизма» в советской философии связано с опубликованием в 1956 году в СССР в полном объеме «Экономическо-философских рукописей 1844 года» К. Маркса [11]. Как известно, когда «Рукописи 1844 года» Маркса в 30-х годах были полностью опубликованы на языке оригинала, на Западе стали противопоставлять «раннего» Маркса, философа-гуманиста, «позднему» Марксу – автору «Капитала» и лидеру международного рабочего движения. Понятно, что «подлинным Марксом» здесь признавался первый, тогда как в официальной советской версии все было с точностью до наоборот, и гуманистический пафос «Рукописей 1844» года относили, скорее, к наследию антропологического материализма Людвига Фейербаха, в дальнейшем преодоленному в историческом материализме классиков марксизма. Но для Ильенкова «Капитал» был не антиподом и не преодолением, а развитием и конкретизацией идей Марксовых «Рукописей 1844 года».

Мы знаем, что изучение ранних работ Маркса спровоцировало разные версии марксизма в 50–60 годы. Не только у Ильенкова для понимания марксизма были очень значимы «Рукописи 1844 года» и «Тезисы о Фейербахе». Но его прочтение отличается, к примеру, от марксизма в версии группы «Праксис». Столь же интересно влияние «раннего» Маркса на Тодора Павлова, который, кстати, узнав от болгарских студентов, обучавшихся в МГУ, о гонениях на Ильенкова в 1954–1955 гг., выступил в его защиту. И мнение академика Т. Павлова в данном случае оказалось очень весомым.

Ильенков, при всех изменениях политических обстоятельств, оставался коммунистом и видел в коммунизме, прежде всего, преодоление отчуждения – отчуждения человека от человека, отчуждения каждого отдельного индивида от материальных и духовных богатств, созданных человечеством. Коммунизм для него был не только бесклассовым

обществом или обществом материального изобилия, а тем обществом, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Что касается советского общества, то его Ильенков связывал с первой ступенью формального, а не реального обобществления на пути к коммунизму со всеми опасностями на этом пути. Об этой стороне в творчестве Ильенкова специально писали С. Мареев и А. Майданский. В этом смысле гуманизм Ильенкова не был абстрактным гуманизмом и предполагал серьезные социально-экономические основания для всестороннего развития личности.

Следует обратить внимание на то, что уже в кандидатской диссертации в центре внимания Ильенкова был метод «Капитала», в чем собственно и выражается философский характер этой работы. Хотя изучение материалистической диалектики было традиционно для советской философии, но и здесь у Ильенкова все было иначе. Начнем с двух версий фундаментальной работы Э. В. Ильенкова о методе восхождения от абстрактного к конкретному, которые недавно опубликованы в 1 и 2 томах собрания сочинений Ильенкова. Дело в том, что эту книгу Ильенков сдал в издательство в 1956 году, но ее выход был задержан почти на 4 года. Она вышла в 1960 году в урезанном более чем на треть виде после резкой критики и даже персонального дела Ильенкова на партбюро Института философии, где его книга была оценена как «аполитичная». Все это происходило под личным контролем директора Института философии СССР П. Федосеева, который одобрил другое название книги: «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса», поскольку связывал метод восхождения от абстрактного к конкретному лишь со спецификой «Капитала». Только в 1997 году в издательстве «РОССПЭН» эта работа Ильенкова вышла без сокращений под аутентичным названием «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении». В наши дни исходная ильенковская версия этой книги «Диалектика абстрактного и конкретного

в научно-теоретическом мышлении» опубликована в 1 томе собрания сочинений [3], а версия «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса» во 2 томе [6].

На деле изменение названия книги здесь носит принципиальный характер, поскольку для Ильенкова метод «Капитала» – тот случай, в котором особенное представляет всеобщее, а именно, логику развития научного познания. С позиций «Капитала» Ильенков критиковал «диаматовское» понимание научного познания как абстрагирования, противопоставив ему метод «восхождения» как конкретизацию. В этой работе применительно к методу «Капитала» Ильенков говорит о движении в научной теории от «абстрактно-всеобщего» к «конкретно-всеобщему», оставляя за бортом представление об общем как результате индуктивного обобщения частных случаев. По существу это была критика «диамата» за эмпиризм и позитивизм с позиций метода «Капитала» и его истоков – гегелевской диалектики. В этом смысле обвинения Ильенкова в «гегельянщине» на партбюро Института философии имели под собой некоторые основания.

Указанную работу Ильенкова можно отнести к классике не только советской, но и мировой марксистской мысли. Но, к сожалению, эта линия в творчестве Ильенкова пресеклась. В свое время ее продолжил только Сергей Мареев, который пришел знакомиться с Ильенковым в 1972 году с готовой диссертацией о диалектике исторического и логического. В дальнейшем, уже после смерти Ильенкова, в 1984 году он издал монографию «Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса» [15]. Но других значительных работ в этом направлении в ильенковской школе пока что нет.

Если говорить о принципиальном отличии марксистской философии у Ильенкова от официальных «диамата» и «истмата», то материалистическую диалектику он рассматривал как теорию познания и логику,

а не как онтологию, одним и тем же законом диалектики объясняющую и кипение чайника, и Французскую революцию. И в историческом материализме Маркса и Энгельса он выделял, прежде всего, методологическую сторону. Классики марксизма открыли метод материалистического понимания истории, а не создали очередную историческую схематику под названием «теория общественно-экономических формаций» [4].

Здесь важный пункт в позиции Ильенкова. Известный философ Вадим Межуев был студентом Ильенкова и высоко оценивал его заслуги. При этом он относил Ильенкова, вслед за его гонителями в 1954–1955 гг. В. С. Молодцовым и А. П. Гагариным, к направлению «гносеологов», что по сути неверно. Начиная с «оттепели», диалектикой и теорией познания марксизма в советской философии занимались многие. Но Ильенков здесь стоял особняком. Если у «гносеологов» любая методология, включая диалектику, имеют свою субъективную специфику, то Ильенков исходил из тождества форм мышления и форм бытия там, где речь идет о методе научно-теоретического мышления. Внешне это расхождение выглядит как частность. На деле речь идет о сути материалистической диалектики как методологии научного познания. Потому, отстаивая объективность категориальных форм мышления, Ильенков часто оказывался в оппозиции к философскому «начальству».

Ильенков не был узким специалистом. «Узкий профессионализм» он, вслед за Марксом, считал проявлением «профессионального кренинизма». Его учеником был известный психолог Василий Давыдов. Своим учителем его считают экономисты Александр Бузгалин и Андрей Колганов. К нему апеллируют сегодня даже те, кто занимается проблемой искусственного интеллекта и теорией и практикой менеджмента. Всю эту проблематику стягивает воедино диалектический метод, в котором Ильенков видел не совокупность формальных правил и приемов, а, вслед за Марксом, движение по логике самого предмета.

Что касается исследования категорий материалистической диалектики, то еще при жизни Ильенкова этим занимался Александр Сорокин, который первым захотел вместе с Ильенковым заниматься проблемами диалектической логики. Но сейчас такого рода исследования среди последователей Ильенкова не ведутся.

Нужно подчеркнуть, что, помимо Ильенкова, версий деятельностного подхода в 60–70 годы было много. Среди них, к примеру, «деятельностный подход» у Георгия Щедровицкого. А в области формировавшейся культурологии с этих позиций выступал в те времена Эдуард Маркарян из Еревана. Это были известные люди, имевшие своих последователей. Но при всех различиях их объединяла трактовка деятельности с позиций системного подхода, когда деятельность легко заменялась «функционированием», любой системы. К марксизму это не имело никакого отношения, но, характеризуя «деятельностный подход» в советской философии, мы должны называть подобные имена.

«Деятельностный подход» у Ильенкова органически связан с марксизмом и встраивается именно в развитие культурно-исторической теории: Выготский – Леонтьев – Ильенков. Общим для них является представление о том, что ретортой формирования способностей человека является практическая деятельность, которая не один из видов деятельности людей, а их всеобщее основание. Здесь стоит напомнить, что о деятельной природе человека в те годы писали многие западные марксисты, делая акцент на ее свободном и творческом характере. Но у Ильенкова сутью практической деятельности является труд, а еще конкретнее – создание самих орудий труда. «Производство орудий производства» у Ильенкова является тем конкретно-всеобщим понятием, из которого можно вывести все историческое многообразие способностей и форм существования человека. Потому понятие деятельности у Ильенкова является не абстрактным, как в системном подходе, а именно конкретным понятием.

Проследить практически, как из деятельного освоения мира рождаются высшие психические функции, вплоть до теоретического мышления, позволил так называемый «Загорский эксперимент», к которому Ильенков присоединился в 1967 году [1; 5; 10]. В Загорском эксперименте Ильенков, как известно, исходил из того, что формирование высших психических функций у слепоглохого ребенка – тот особый случай, который представляет всеобщий механизм их формирования. В случае слепоглохих детей этим механизмом была совместно-разделенная предметная деятельность с воспитателем по освоению предметов культуры, начиная с удовлетворения элементарных бытовых потребностей.

Любое серьезное достижение может внушить излишний оптимизм. И можно согласиться с Андреем Майданским в том, что Загорский эксперимент так и не стал, да и не мог стать, «решающим экспериментом» в духе Карла Поппера, что, конечно, не отменяет его итогов. Но в 70-е годы XX века, когда результаты Загорского эксперимента получили широкую известность, стали высказываться сомнения в отношении научной «чистоты» этого эксперимента, так как четверо слепоглохих ребят, которые в итоге смогли поступить в МГУ («загорская четверка»), не были глухими и незрячими от рождения. Оппоненты, среди которых был Д. И. Дубровский, утверждали, что формирование способностей в данном случае происходило не «с нуля», а становление личности – не с «чистого листа». Следовательно, основой Загорского эксперимента стал подлог. В 1988 году было затеяно обсуждение итогов Загорского эксперимента, в котором уже доминировали его противники, которым удалось привлечь на свою сторону одного из четверых участников эксперимента – С. Сироткина.

К сожалению, тогда, как и сейчас, мотивы такой критики не имеют отношения к сути дела. Э. Ильенков и А. Мещеряков никогда не скрывали того, что их подопечные не являются «тотально» незрячими и глухими, что не меняет ни теоретического содержания,

ни практических результатов эксперимента. Основная цель здесь – дискредитация Загорского эксперимента в целом в пользу других подходов. И если в 70-е годы его критиковал биолог А. Малиновский с позиций теории «врожденных» способностей, то сегодня на этом поле, помимо того же Дубровского, появились игроки, представляющие точку зрения церкви. Наиболее известным среди теперешних критиков Загорского эксперимента является Ю. В. Пущаев. Ему принадлежит цикл статей в журнале «Вопросы философии» об этом эксперименте, хотя позиция автора не является до конца ясной.

Еще раз обратим внимание на то, что, несмотря на подозрительное отношение философского «начальства» и те проблемы, которые сопровождали Ильенкова, в советское время он был хорошо известен в Москве и в провинции. Многие тогда относили себя к «ильенковцам», но немногие прошли в этом качестве проверку на прочность в 90-е, когда в моду вошла современная западная и русская философия. При этом серьезное отношение к марксизму тогда вызывало только усмешку.

Я помню, как проходили первые Ильенковские чтения в 90-е годы, которые были организованы Сергеем Мареевым и Геннадием Лобастовым. Активное участие в них принимали Александр Сорокин и Алексей Новохатько. Собственно, этих людей и можно считать главными учениками Ильенкова в те годы. Хотя здесь нужно еще назвать Владислава Лекторского и Феликса Михайлова, которые идейно и организационно поддерживали ильенковское движение.

Я помню, как Александр Бузгалин обвинял ильенковцев 90-х годов в том, что они превратились в теоретическую «секту», где предаются воспоминаниям об учителе и обсуждают вопросы, очень далекие от практики. Тем не менее, яркими событиями 90-х стало издание в 1991 году усилиями А. Новохатько работ Ильенкова книгой «Философия и культура» и выход в 1997 году книги С. Мареева

«Встреча с философом Ильенковым» [14]. Ближе к 2000-м годам, как уже сказано, было создано философское общество «Диалектика и культура», которое организует ежегодные международные Ильенковские чтения. Его президентом на протяжении многих лет является Геннадий Лобастов.

Глядя в прошлое, я могу выделить два важных события в развитии ильенковской школы в начале XXI века. Во-первых, это объединение усилий российских ильенковцев с единомышленниками на Западе. Я имею в виду, прежде всего, теоретические работы и большую организационную деятельность Весы Ойттинена из Финляндии, а также Дэвида Бакхерста из Канады. Большую роль в расширении этих контактов сыграл сайт Андрея Майданского «Читая Ильенкова». Сегодня большую роль в пропаганде творчества Ильенкова играет Коринна Лотц из Лондона, создавшая несколько лет назад «Общество международных друзей Ильенкова» (International Friends of Ilyenkov).

Андрей Майданский появился в кругу ильенковцев в конце 90-х. Но сегодня он является лидером ильенковского движения. И не только потому, что его усилиями обработан весь архив Ильенкова, начато и продолжается издание собрания сочинений [13]. Именно Майданский стал противником мемориального характера Ильенковских чтений, провоцируя дискуссии по важным пунктам «ильенковской школы» и возможность теоретического продвижения вперед. И ему это удалось. Критиков у Ильенкова всегда хватало. Но тут критика позиции Ильенкова впервые стала «снимающей критикой». Дискуссия Андрея Майданского и Льва Науменко о понятии «мыслящее тело» в «Диалектической логике» Ильенкова заслуживает отдельного разговора. Эти споры обнаруживают развилки в творчестве Ильенкова. Именно здесь точки роста «ильенковской школы».

Сергей Есенин в «Письме к женщине» написал, что «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Прошло 45 лет с момента смерти Ильенкова. Повто-

рим, что в лице Ильенкова мы имеем дело с мыслителем мирового масштаба. Что касается благосклонности элит, то, к сожалению, такая благосклонность, как показывает история, быстро приводит к догматизации и пропагандистскому вырождению учения. Поэтому сегодня значительно более важным является возрождение интереса к марксизму и советской философии у молодежи, что я вижу у студентов высшей школы. Их все больше среди участников «Ильенковских чтений».

За последние несколько лет из жизни ушли ученики Ильенкова Алексей Новохатко, Александр Сорокин, Лев Науменко, Сергей Мареев, Александр Бузгалин. Они внесли разный вклад в пропаганду и развитие идей Эвальда Васильевича. Что касается Сергея Мареева, то он еще студентом прочел книгу Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" К. Маркса» и потом в своих воспоминаниях характеризовал эту ситуацию словами Ницше о Шопенгауэре: я воспринял эту философию так, как если бы она была вычитана из моей души. Как я уже говорила, в 1972 году Мареев принес Ильенкову готовую диссертацию о диалектике исторического и логического, а далее стал работать в том же секторе Института философии научным сотрудником. К 70–80 годам относятся наиболее интересные работы Мареева в области марксистской методологии, посвя-

щенные, в частности, принципу системности, проблеме формальной формы и, конечно, принципу конкретного историзма.

В 90-е годы Сергей написал первую книгу об Ильенкове, которая выдержала несколько изданий [17]. В эти же годы он писал много текстов по истории мировой философии, занимался историей советской философии. Причем в его книге «Из истории советской философии: Лукач – Выготский – Ильенков» не только развернута ильенковская критика «диамата» и «истмата», но показаны истоки позиции самого Ильенкова, то есть место «творческого марксизма» и культурно-исторической теории в здании советской философии [16].

Не участвуя в политической жизни, Мареев имел собственное понимание происходившего в России – и сегодня, и сто лет назад, в годы Февральской и Октябрьской революций. Об отношении Ильенкова к фигуре Ленина в политике и философии Мареев вел постоянный спор с Андреем Майданским, что не мешало их плодотворному сотрудничеству. Вот почему в своих воспоминаниях Андрей Майданский написал, что, несмотря на разногласия, Мареев был для него «честным камертоном разума, равным образом «чистого» и «практического». Те же слова можно, безусловно, сказать о нашем учителе – Эвальде Васильевиче Ильенкове.

Список литературы

1. Гургенидзе Г. С., Ильенков Э. В. Выдающееся достижение советской науки // Вопросы философии, 1975, № 6. С. 63–73.
2. Ильенков Э., Коровяков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1055) / Авт.-сост. Е. Иллеш. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2016. 272 с.
3. Ильенков Э. В. Абстрактное и конкретное: Собрание сочинений. Т. 1. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. 466 с.
4. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Собрание сочинений. Т. 4. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. 464 с.
5. Ильенков Э. В. К разговору о Мещерякове // Ильенков Э. В. Школа должна учить мыслить. Москва: МПСИ, 2009. С. 95–106.
6. Ильенков Э. В. Категории: Собрание сочинений. Т. 2. Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. 496 с.

7. Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма (размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). Москва: Политиздат, 1980. С. 6–174.
8. Ильенков Э. В. Логика Маркса: Собрание сочинений. Т. 7. Москва: Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2023. 544 с.
9. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. Москва: Политиздат, 1968. 319 с.
10. Ильенков Э. В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–79.
11. Карл Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т. 42. Москва: Издательство политической литературы. 1974. С. 41–174.
12. Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии, 1984, № 10, С. 120–145.
13. Майданский А. Д. Открытие домашнего архива Э. В. Ильенкова // Вопросы философии, 2024, № 3, С. 84–94.
14. Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. Москва: Эребус, 1997. 192 с.
15. Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. Москва: Наука, 1984. 156 с.
16. Мареев С. Н. Из истории советской философии. Лукач-Выготский-Ильенков. Москва: Культурная революция. 2008. 448 с.
17. Мареев С. Н. Э. В. Ильенков: жить философией. Москва: Академический проект. Трикта. 2015. 327 с.
18. Мареева Е. В. О расколе среди ильенковцев // Вопросы философии, 2010, № 2. С. 134–140.
19. Мареева Е. В. Проблема идеального: спор двух марксистов / Эвальд Васильевич Ильенков. [под ред. В. И. Толстых]. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 215–240.
20. Мареева Е. В. Существует ли «школа Ильенкова»? // Вопросы философии, 2004, № 3. С. 66–75.
21. Mareeva E. V. Lifshit's ontognoseology as a version of Lenin's theory of reflection // Studies in East European Thought. Volume 68, Issue 4, December 2016, Special issue on Mikhail Lifshits – An enigmatic Marxist. Pp. 295–305.

*

Поступила в редакцию 25.01.2024